

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. В. И. ДАЛЯ

ЗВУЧАЩАЯ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Читает Поэт

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. Грант Президента РФ МК-5835.2015.6 «Звучащий Серебряный Век. Читает Поэт» (автор и руководитель проекта Е. М. Шуванникова).

Авторский коллектив:

В. В. Аристов, Петер Бранг, Е. В. Глухова, М. Я. Данова, Е. И. Жарков, В. В. Золотухин,
П. М. Крючков, О. А. Лекманов, В. Э. Молодяков, М. В. Орлова, А. Ю. Рассанов,
Н. М. Солобай, Д. О. Торшилов, Е. М. Шуванникова

З-44 **Звучащий Серебряный век. Читает поэт** : коллект. монография с CD-приложением / Отв. ред. Е. М. Шуванникова. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-4469-1470-8

Коллективная монография «Звучащий Серебряный Век. Читает Поэт» – результат исследования авторской декламации поэтов Серебряного века, выполненного на основе обширной мемуарной литературы и коллекции сохранившихся звукозаписей голосов поэтов. В книге представлены описания голосов и манера авторского чтения десяти поэтов Серебряного века – А. Ахматовой, А. Блока, М. Волошина, В. Брюсова, Б. Пастернака, А. Белого, С. Есенина, О. Мандельштама, Н. Гумилева, Н. Клюева. Приводится краткий обзор традиции поэтических вечеров и салонов Москвы и Петербурга данного периода; рассказывается об истории изучения звучащей художественной речи в России; дается описание коллекции сохранившихся звукозаписей Серебряного века, хранящихся в Государственном музее истории российской литературы им. В. И. Даля. Книга сопровождается иллюстрациями и имеет уникальное CD-приложение со звуковыми автографами всех описанных в книге поэтов. Некоторые звуковые автографы публикуются впервые.

Книга рассчитана на широкую аудиторию, интересующуюся звучащей поэзией и декламацией поэтов Серебряного века.

ISBN 978-5-4469-1470-8

9 785446 914708

- © Е. М. Шуванникова, автор и руководитель проекта, 2018
- © Институт языкознания РАН, 2018
- © Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля, запись диска, 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © Издательство «Нестор-История», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ГОЛОСА ПОЭТОВ

Петер Бранг

Александр Блок: «Звучащее слово как магия»	11
--	----

Е. В. Глухова, Д. О. Торшилов

Андрей Белый: «Он дирижировал кавказскими горами»	36
---	----

В. Э. Молодяков

Валерий Брюсов: «Не по-актерски, а по-“поэтски”»	78
--	----

Е. И. Жарков

Максимилиан Волошин: «Я голос внутренних ключей...»	96
---	----

П. М. Крючков

Анна Ахматова: «И все-таки узнают голос мой...»	125
---	-----

М. Я. Данова

Николай Гумилев: «Высокое косноязычье» <i>Голос, речь и декламация Николая Гумилева</i>	156
--	-----

О. А. Лекманов

Осип Мандельштам: «Врожденным ритмом одолеть!»	197
--	-----

Н. М. Солобай

Сергей Есенин: «Он читал, как гений...»	216
---	-----

В. В. Аристов

Сергей Есенин: «Голос — актер» <i>О чтении своих стихов Сергеем Есениным</i>	251
---	-----

Н. М. Солобай

Николай Клюев: «Артистичный поэт»	263
---	-----

Е. М. Шуванникова

Борис Пастернак: «И через много-много лет твой голос вновь меня встревожил...»	276
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ ЗВУЧАЩЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ*В. В. Золотухин*Об изучении звучащей художественной речи в России
в 1910–1920-е годы. . . . . 301*М. В. Орлова, Е. М. Шуванникова*Литературная жизнь Серебряного века:
кружки и объединения Москвы и Петербурга (краткий обзор). . . . . 318*А. Ю. Рассанов*Серебряный век русской литературы в фонофонде Государственного
музея истории российской литературы имени В. И. Даля
(Государственного литературного музея) 367

Послесловие 410

Сведения об авторах 413

ПРЕДИСЛОВИЕ

XXI в. получил в дар от века предшествующего ценнейшее наследие — записи голосов поэтов Серебряного века. Эта ценность дня сегодняшнего еще сто лет назад была реальностью ушедшей эпохи, которая вплетала свой поэтический узор в историю литературы. Этот узор ткался голосами поэтов, которым было что сказать в переломные для судьбы России годы.

Звуковое наследие Серебряного века — часть не только российской, но и мировой литературы, значимый источник «культурной памяти». По точному выражению Д. С. Лихачева, вся мировая культура, равно как и культура отдельных стран и народов, является «активной памятью человечества». Она становится таковой, когда живет в сознании людей, питая их сердца. Культурное наследие — сокровище народа, его преобразующая сила. Испокон веков передовые мыслители говорили о нем как о достоянии, призывая бережно сохранять его для будущих поколений.

Одна из форм сохранения культурного наследия — его изучение и популяризация. Мы верим, что ученые способны внести в это свой вклад. Именно поэтому мы осуществили проект «Звучащий Серебряный Век. Читает Поэт», цель которого — изучить и описать декламацию поэтов Серебряного века на основе сохранившихся звукозаписей, мемуарных воспоминаний современников и архивных документов. В Год

Литературы в России проект был поддержан Советом по грантам Президента Российской Федерации, благодаря чему нам удалось объединить усилия 14 ученых из разных стран для выполнения единой задачи по изучению звукового наследия и авторской декламации поэтов Серебряного века. Представляемая читателю коллективная монография — результат этого масштабного международного исследовательского проекта, реализованного в 2015–2016 гг.

Книга включает два раздела с 14 статьями, иллюстративный материал, а также CD-приложение с голосами поэтов.

В первом разделе книги представлено описание голосов и авторской манеры чтения десяти поэтов Серебряного века: Александра Блока, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Максимилиана Волошина, Сергея Есенина, Николая Клюева, Бориса Пастернака. Конечно, поэтов Серебряного века, достойных изучения и описания, гораздо больше, чем мы смогли охватить нашим небольшим коллективом. Однако хочется надеяться, что подобного рода исследования продолжатся и количество описанных голосов «серебряновечных» поэтов в будущем расширится.

Во втором разделе книги представлены три обзорные статьи, дающие представление как о бытовании, так и об изучении звучащего слова в России в начале прошлого столетия. В статьях приводится краткий обзор литературной жизни Серебряного века в Москве и Петербурге, раскрывается история изучения звучащей художественной речи в России в 1910–1920-е гг., а также дается описание коллекции Серебряного века русской литературы в фонфонде Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля.

Книга сопровождается иллюстрациями и уникальным CD-приложением со «звуковыми автографами» поэтов, особенности авторской декламации которых описаны в коллективной монографии. Некоторые из этих «звуковых автографов» выходят в свет впервые. CD-приложение к книге подготовлено Государственным музеем истории российской литературы имени В. И. Даля (автор сценария и диктор — П. М. Крючков).

Идея проекта имеет свою историю и преемственность. На его осуществление нас вдохновили три источника: во-первых, исследования звучащей художественной литературы С. И. Бернштейна и его современников в XX в.; во-вторых, книга швейцарского слависта, профессора Петера Бранга «Звучащее слово», вышедшая в 2010 г., и, в-третьих, конференция «Живое слово: логос — голос — движение — жест», прошедшая в Институте языкознания РАН в 2012 г.

В XX в. значимый вклад в изучение звучащей художественной речи в России внес С. И. Бернштейн — лингвист, исследователь теории звучащей художественной речи, инициатор и создатель

отечественной аудиоархивистики. Именно он в 1910–1920-е гг. записал голоса около ста поэтов-современников, благодаря чему нам стали доступны записи голосов поэтов Серебряного века — их уникальные «звуковые портреты».

В XXI в. новый импульс изучению звучащего слова в России дал швейцарский славист, профессор Петер Бранг, около трех десятилетий возглавлявший Славянский семинар в Цюрихском университете. В 2010 г. в России был издан перевод книги Петера Бранга «Звучащее слово». В этой книге автор раскрывает вопрос преэмптильности «слуховой филологии» Эдуарда Сиверса в основополагающих работах С. И. Бернштейна, прослеживает историю понятий «декламация», «художественное» и «выразительное» чтение, «живое» и «звучащее» слово, уделяет особое внимание чтению Пушкина, Гоголя, Достоевского и Блока.

Книга Петера Бранга послужила воскрешению интереса к «живому слову» в России. Автор обозначил ряд актуальных научных задач в изучении русской декламации. Среди них — исследование исполнения стихов поэтами Серебряного века. Попытку реализации этой задачи мы и предприняли в рамках проекта «Звучащий Серебряный Век. Читает Поэт».

Наконец, еще одним важным фактором развития идеи нашего проекта стала Международная конференция «Живое слово: логос — голос — движение — жест», инициированная академиком Ю. С. Степановым. Она состоялась 12–16 апреля 2012 г. в Институте языкознания РАН. Большинство авторов представляемой коллективной монографии впервые познакомились друг с другом именно на этой конференции, позже объединившись в рабочую группу в рамках нового проекта «Звучащий Серебряный Век. Читает Поэт».

Хочется выразить глубокую признательность всем, кто принимал участие в реализации данного проекта. Прежде всего, конечно же, авторам статей этой коллективной монографии — Петеру Брангу, В. В. Аристову, Е. В. Глухой, М. Я. Дановой, Е. И. Жаркову, В. В. Золотухину, П. М. Крючкову, О. А. Лекманову, В. Э. Молодякову, М. В. Орловой, А. Ю. Рассанову, Н. М. Солобай, Д. О. Торшилову. При формировании рабочей группы они откликнулись на предложение участвовать в проекте и за два года провели серьезные исследования.

Отдельная признательность — тем людям, которые поддерживали проект на разных этапах его реализации: бывшему директору Института языкознания В. М. Алпатову, нынешнему директору Института языкознания РАН А. А. Кибрику, а также заведующему отделом теоретического и прикладного языкознания В. З. Демьянкову; директору Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля Д. П. Баку, а также сотрудникам музея А. Я. Невскому, В. Л. Евграфовой,

С. Л. Картушеву, Д. В. Кавериной, А. О. Флеминг и многим другим; заведующему и сотрудникам Отдела русской литературы конца XIX — начала XX в. ИМЛИ РАН; директору и сотрудникам ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом); директору и сотрудникам издательства «Нестор-история», а также Ш. А. Амонашвили, М. В. Князеву, Н. Г. Князевой, В. В. Шуванникову, О. М. Родыгиной, М. Л. Ковшовой, Д. М. Магомедовой, В. В. Фещенко, А. Ю. Сергеевой-Клятис, Н. В. Перцову, А. Г. Греку, М. Л. Бересневой, Э. Л. Мумджану, И. Е. Сироткиной, Н. Ю. Гвоздяковой, А. В. Рьянову, А. В. Геворкяну, Виталию Шмидту, Карин Бранг, Ю. И. Метелкину и всем тем, кто вдохновлял и поддерживал нас все это время.

В 2018 г. исполняется ровно 100 лет со дня основания Института живого слова в Петрограде. Институт просуществовал всего несколько лет, но именно там был дан импульс к изучению звучащей художественной речи в России и собрана коллекция уникальных звукозаписей. Всем творцам живого слова, а также 100-летнему юбилею Института живого слова мы и посвящаем нашу коллективную монографию — с верой в то, что в XXI веке интерес к живому слову в России и мире будет возрастать.

Елена Шуванникова

Торона номов

АЛЕКСАНДР БЛОК: «Звучащее слово как магия»

Петер Бранг

Отношение Александра Блока к декламации позволяет с особенной ясностью увидеть некоторые проблемы исполнения художественных текстов. Чтение Блоком собственных произведений, поразительное мастерство, с которым он декламировал стихи, своеобразие его манеры, его взволнованный, волнующий голос и в то же время сдержанность в нем производили на современников неизгладимое впечатление, о чем до нас дошли многочисленные свидетельства.

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ С. И. БЕРНШТЕЙНА

Голосу Блока С. И. Бернштейн посвятил большое исследование. Свой выбор ученый обосновал не только мастерством и уникальностью исполнительской манеры поэта, но и значением его для России: «Мы связаны с ним особенно интимной связью. С ним умирала его культура, сказал Александр Блок о Пушкине. Какой-нибудь поздний историк скажет эти слова об Александре Блоке» [Бернштейн 1972]. По первоначальному замыслу исследование «Голос Блока» должно было открывать серию под общим названием «Разыскания в области теории декламации»; предполагалось, что первую часть составит «Введение», где речь пойдет о сущности искусства декламации, об отношении декламации

Портрет А. А. Блока.
 Фотография Д. С. Здобнова.
 С-Петербург. 1907 г.
 Из собрания Литературного музея
 Пушкинского Дома (И-26368)

к поэзии и о значении исследования декламации для теории стиха¹. А когда статья была написана, то автору стало ясно, что «Голос Блока заключает в себе in pace все дальнейшее исследование» [Бернштейн 1972: 455]².

В основание исследований Бернштейна о голосе Блока легли 15 стихотворений общим объемом 342 строки, которые поэт начитал 21 июня 1920 г. на шесть валиков, принадлежавших Фонетической лаборатории Института живого слова (Петроград). Блок читал наизусть, но держал под рукой книгу. Вот эти стихотворения: «Все, что память сберечь мне старается...» (1910), «Девушка пела в церковном хоре...» (1905), «Поздней осенью из гавани...» (1909), «Ночь — как ночь, и улица пустынна...» (1908), «Как тяжело мертвецу среди людей...» (1912), «Девушка из Spoleto» (1909), «Рожденные в года глухие...» (1914), «Русь моя, жизнь моя,

¹ См. [Бернштейн 1926; Бернштейн 1927].

² Работа «Голос Блока» по политическим причинам при жизни автора не была опубликована, а увидела свет только в 1972 г., благодаря брату С.И. Бернштейна, писателю А. Ивичу, и Г. Суперфину в «Блоковском сборнике 2» [Бернштейн 1972]. Она была написана в августе — сентябре 1921 г., в январе 1928 г. полностью готова к печати. Примечания датированы 1922 г. До 1925 г. Бернштейн постоянно перерабатывал эту статью и написал к ней два предисловия, включенные в публикацию 1972 г. Первое из них относится к 1923 г. [Там же: 454–527], второе датировано 25 августа 1925 г. [Там же: 527]. По сообщению самого Бернштейна, работа была им трижды «читана публично»: 1) в Обществе изучения художественной словесности при Российском институте истории искусств; 2) в Московском лингвистическом кружке (МЛК); 3) в Комиссии по теории декламации Института живого слова [Там же: 454].

вместе ль нам маяться?..» (1910), «Осенний день» (1909), «О жизни, догоревшей в хоре...» (1906), «Седое утро» (1913), «Голос из хора» (1914), «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908), «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» («На поле Куликовом», 1908), «В ресторане» (1910).

Судьба этих записей печальна. После смерти Блока Бернштейн продолжал записывать голоса поэтов, прозаиков, актеров и профессиональных чтецов. К концу 1925 г. было собрано 120 голосов на 250 валиках. В 1930 г. у Бернштейна была отнята возможность дальнейших исследований в области декламации: он был уволен из института, валики исчезли. В 1936 г. в связи с «реабилитацией» Маяковского Сталиным интерес к этим валикам с записями Бернштейна голосов поэтов возобновился [Бранг 2010: 147]. В 1940 г. валиками с голосом Блока занималась специальная техническая комиссия, попытались их прослушать. Но это не удалось: мембрана фонографа издавала лишь слабый шелест. Поэтому реставрацию считали невозможной. Дело в том, что Блок «читал не очень громко, значительно тише, чем, например, Маяковский или Есенин» [Шилов 1989: 50]. И, очевидно, как раз валики с голосом Блока в 1920-е гг. прослушивались очень часто. С 1960-х гг. звукоархивист, искусствовед и писатель Лев Шилов, ученик Бернштейна, вместе с помощниками занимался восстановлением записей голосов поэтов, в том числе и тех четырех из шести блоковских валиков, которые дожили до наших дней. В 1966 г. им удалось восстановить голос поэта с чтением некоторых пассажей из стихотворений «О доблестях, о подвигах, о славе...» (24 строки) и «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» (8 строк) и третьей строфы стихотворения «В ресторане»³.

Эти тексты в наше время можно слушать не только на пластинках и лентах, но и на CD, а также в сети Интернет (общее время звучания — 4 минуты). Правда, лишь с трудом в этих записях сквозь шелест и шипение можно распознать текст, который поэт читает. Можно согласиться с Павлом Крючковым, пишущим, что «простого читателя, любителя поэзии, надо как-то подготовить к тому, что он услышит» [Крючков 2005]. Но все-таки это голос Блока. И Лев Шилов сделал очень много для сохранения и восстановления этого голоса, а также голосов других поэтов. О чрезвычайно интересной истории этой работы Шилов рассказал

³ Л. Шилов в книгах 1989 и 2004 гг. сообщил, что удалось перевести на магнитную пленку и другие стихотворения, а именно «Осенний день», «О жизни, догоревшей в хоре...», «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..», «Как тяжело мертвецу среди людей...», «Голос из хора». Голос Блока там слышен, но очень плохо [Шилов 1989: 52; Шилов 2004: 150]. Звукоархивист, очевидно, надеялся, что с помощью новой техники когда-то станет возможным улучшить качество этих записей. Действительно, сегодня есть надежда, что «путь восстановления голоса Блока заключается в оцифровке фонографических валиков, используя новые технологии», что сканированием «лазерным лучом поверхности валиков» удастся восстановить звук в компьютере. (Я благодарю Александра Рассанова, сотрудника фонда звукозаписей Гослитмузея, за эту справку.)

в своих книгах «Я слышал по радио голос Толстого...» (1989) и «Голоса, зазвучавшие вновь» (1977; 2004). В каждой из них есть статья и о Блоке.

В исследованиях о декламации Блока Бернштейн опирался не только на свои записи голоса поэта, но и на наблюдения, сделанные во время открытых и закрытых декламационных выступлений поэта [*Бернштейн* 1972: 500]. Ведь, по его словам, «подбор изученных в декламационном отношении стихотворений менее разнообразен, чем это казалось бы желательным в интересах полноты исследования. В этой связи стоит отметить, что Блок читал не все свои стихи: в частности, он отказывался читать поэму “Двенадцать”, белые стихи (цикл “Вольные мысли” и др.) и верлибры (“Она пришла с мороза...” и т. п.), ссылаясь на то, что “не знает, как их надо читать”» ([Там же: 500], ср. [*Чуковский* 1922: 161]). Подобное же «недоумение» по отношению к собственной поэзии звучит в признании Блока, что он не знает, откуда взялся в поэме «Двенадцать» образ Христа.

Бернштейн привлекал для своего исследования и мемуарную литературу тех лет: важные тексты появились в печати вскоре после смерти Блока в 1921 г. А мы сегодня располагаем собраниями сочинений поэта с записными книжками, дневниками и письмами [*Блок* 1932–1936; 1960–1963; 1965]. Поэтому далее мы опишем несколько важных этапов отношения Блока к звучащему слову как на основании его собственных высказываний, так и по воспоминаниям современников.

БЛОК КАК ДЕКЛАМАТОР

Блок прославился сначала как декламатор и лишь позже как поэт, уверяет В. Пяст (он был знаком с Блоком с января 1905 г.)⁴ в заметке, предназначенной «служить предисловием или “постскриптумом” к исследованию Бернштейна “О голосе Блока”» [*Пяст* 1921: 333]. «Не раз мне рассказывали и разные люди, — сообщает Пяст, — что вот в гостиной появляется молодой красивый студент (в сюртуке непременно, “тужурок” он не носил). “Саша Блок”, передавали друг другу имя пришедшего в отдаленных углах. “Он будет говорить стихи”. <...> И, если Блока об этом просили, он декламировал с охотой» [Там же: 329].

Еще в 1898 г. Блок начал вести тетради, озаглавленные «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр.» (всего 58 листов архивной нумерации). По ним можно судить о его раннем увлечении театром и художественным чтением. Блок записывал сюда драматические монологи, снабжая их в некоторых случаях пометами для декламации («пауза», «жадная радость», «гордое злорадство», «сарказм», «злоба», «минутный ужас» и т. д.). Некоторые записи

⁴ В. Пяст вместе с Е. П. Ивановым и В. А. Зоргенфреем (см. ниже) был одним из трех, кого Блок «допускал до себя» [*Одоевцева* 1967: 147].

сопровождаются более подробными пояснительными заметками. Есть здесь и «перечни стихотворений разных авторов, выбранные “для декламации”: Жуковского, Вл. Соловьева (только шуточные стихи), Полонского, А. К. Толстого, Ф. [А.] Кони и др.». «Тетрадь, составленная, очевидно, в 1901 г.», включает в себе «новые, более подробные перечни декламационного репертуара: Полонский, Тютчев, Апухтин, Майков, А. К. Толстой, М. Л. Михайлов (переводы), Лермонтов, Некрасов (“Рыцарь на час”, “Внимая ужасам войны...”, “Замолкни, Муза...”, “Тяжелый крест достался ей на долю...”), Жуковский, Пушкин, отрывок из “Преступления и наказания” Достоевского (монолог Мармеладова), стихи Байрона, Л. Болье, Хомякова, Ф. Навроцкого, Мицкевича, В. Скотта, Саути, монологи из Шекспира (Антоний, Ромео, Меркуцио, Гамлет, Принц Мароккский), “Горя от ума”, “Леса” Островского. Тетрадь завершается выписками (на листах 9 – 12 об.) из книги Ю. Озаровского “Вопросы выразительного чтения”» (СПб., 1896)⁵. Часть этих выписок цитируется в статье Н. Ю. Грякаловой о «нетворческих рукописях» в составе академических собраний сочинений (на примере тетради А. Блока «Моя декламация») [Грякалова 2009].

«Общие условия собственно декламации:

1. Образное мышление, немислимое без активного артистического воображения. Это артистическое воображение можно воспитывать:
  - а) чтением лучших авторов,
  - б) слушанием их в исполнении хороших чтецов,
  - в) устным или письменным изложением литературных произведений (упражнение воображения),
  - г) устным или письменным изложением собственных сочинений художественного характера,
  - д) общением с природой,
  - е) наблюдением окружающей жизни.
2. Чисто субъективное отношение чтеца к литературному материалу, т. е. способность «жить» в чтении.
3. Реализм исполнения (т. е. художественный реализм) — простота в исполнении; чтец по возможности должен стоять на почве возможного.

⁵ [Блок 1960–1963. Т. 7: 437 и 520–522]. «Это несколько тетрадей и пачек отдельных листов, объединенные в одной папке (Институт русской литературы РАН) <...>. Из всего этого обширного материала, существенного для выяснения художественных вкусов и взглядов Блока, в настоящем томе воспроизведено лишь несколько заметок, имеющих самостоятельное значение» (комментарий на с. 522). То есть эти материалы, хранящиеся в Пушкинском Доме, большей частью до сих пор не опубликованы. Уже в 1937 г. был напечатан их перечень [ЛН 27–28: 566–567]. В 2009 г. Н. Ю. Грякалова дала подробный их обзор [Грякалова 2009]. Лидия Менделеева свидетельствует о том, что Ю. Озаровский, «этот известный специалист по художественному чтению», бывал у них в доме [ЛН 92. Кн. 3: 313].

Два последних условия требуют, конечно, чувства художественной меры».

Талант декламатора и актера проявился у Блока рано. В 1898 г. в имени родителей своей будущей невесты Л. Д. Менделеевой он участвовал в постановке «Горя от ума», 10 июля 1899 г. он сыграл пушкинского Скупого рыцаря и получил за эту роль, как отмечено в тетради «Моя декламация...», лавровый венок. Затем он читал отрывки из шекспировского «Юлия Цезаря» (монолог Антония) [Блок 1960–1963. Т. 7: 437–438]. В 1901 г. в Шахматове разучивали для постановки «Ромео и Джульетту» (Джульетту играла Л. Д. Менделеева) и репетировали сцену из «Гамлета» [Там же. Т. 8: 19 и 559]. Отдельные сцены из «Гамлета» Блок играл уже в 1898 г. [Там же. Т. 7: 524].

В своем рассказе об исполнительской деятельности раннего Блока В. Пяст упоминает, что коронными его вещами были «Сумасшедший» Апухтина и малоизвестное стихотворение Полонского под тем же названием. Это интересно, так как Эйхенбаум с осуждением замечает, что стихотворение Апухтина в силу своей драматической эффективности пользовалось большой популярностью у чтецов-актеров, совершенно неспособных понимать новейшую русскую поэзию... [Эйхенбаум 1969: 519].

Блок, кажется, с наибольшей остротой воспринимал чужие стихи, читая их вслух, и испытывал потребность поделиться впечатлением с окружающими. 12 марта 1906 г. он писал И. Ф. Анненскому [Блок 1960–1963. Т. 8: 152], что «целый осенний вечер в глухой деревне» читал его «Тихие песни» *вслух* — «и был ряд открытий:

Золотые сулили вы дали
За узором двойных королей».

Блок, очевидно, был поражен богатой инструментовкой этих стихов. В конце апреля того же года он отметил в записной книжке: «Учить стихи наизусть! Пушкина, Брюсова, Лермонтова, всё, что хорошо» [Блок 1965: 63].

БЛОК КАК МАГ

Однако здесь Блок выступает пока еще как *декламатор*, не как *маг*. Магически воздействовать на слушателей он стал лишь с того момента, как начал читать собственные стихи. А. Белый рассказывает в «Записках мечтателей» (1922), как Блок выступал с чтением своих стихов вечером 11 января 1904 г. Он приехал тогда в Москву, чтобы познакомиться у Б. Бугаева (Андрея Белого) с участниками группы «Гриф», поскольку в их издательстве предполагался выход его первого сборника «Стихи о Прекрасной Даме»:

«Бальмонт, с непобедимым видом, вынул свою книжечку (он всегда ходил с записною книжкой, куда набрасывал новые стихи), и стал выбрасывать свои строчки, как перчатки. После читал А. А. Блок: меня поразила манера его чтения и даже сперва не понравилась: мне показалось, что он читает немзыкально, роняя певучую музыку собственного анапеста, — все тем же трезвым и деловым тоном, с каким он произносил свои внешне, слишком грамматично построенные фразы (“Я пришел, чтобы купить”, вместо — я пришел купить). Читал А. А. несколько в нос, медленно, просто, громко, но придушенным голосом, иногда глотая окончания рифм. Думаю, что характер некоторых его рифм, например — “границ — царицу”, обусловлен тем, что в их произношении А. А. не отчетливо слышалась разница между “ц” и “цу”, “ый” и “ы”, и разница в окончании слов “обманом” и “туманные” сошла бы за рифму в произношении А. А. В чтении А. А. не чувствовалось повышения и понижения голоса, не чувствовалось разницы пауз: точно кто-то медленно, глухо, весь закованный в латы, начинал тяжело ступать по полу. Лицо его делалось при чтении соответствующим голосу: оно окаменевало и становилось строже, худее, очерченное тенями. Лишь потом я оценил своеобразную прелесть этого чтения, где ритм стиха, окованный метром голоса, получает особую, сдержанную, аполлиническую упругость» [*Белый* 1922а: 60–61]⁶.

Об этом выступлении сохранился и рассказ самого Блока в письмах к матери от 14 и 15 января 1904 г. Под 10 января он отмечает: «Стихов еще почти не читали», а под 11 января:

«...едем к Белому на собрание: Бальмонт, Брюсов, Батюшков <...> Петровский <...>. Бальмонт читает стихотворение “Вода”. Я читаю стихотворение “Фабрика” и “Три лучика” (“Темная, бледно-зеленая...” (1903), цикл “Распутья”. — *П. Б.*) <...>. После ухода Бальмонта, Брюсова, Соколовой — мы с Андреем Белым читаем массу стихов <...>. Я читаю “Встала в сияньи”. Кучка людей в черных сюртуках ахают, вскакивают со стульев. Кричат, что я первый в России поэт. Мы уходим в третьем часу ночи. Все благодарят, трясут руку».

Под 13 января: «Читаю стихи — иные в восторге. <...> Бальмонт просит меня читать. Читаю. Бальмонт в восторге, говорит, что “не любит больше своих стихов”...» [*Блок* 1960–1963. Т. 8: 81–84].

⁶ В чуть более ранней публикации Белый рассказывает о том же выступлении немного другими словами: «А. А. читал медленно; точно статуя командора, тяжелыми стопами он шел по строчкам; читал он несколько заглушенным голосом, несколько в нос, так что в его произношении понятно, почему “странный” и “туманы” выглядели рифмами. В произношении А. А. многие полурифмы сходили за рифмы. В общем, стиль его чтения меня в то время не очень порадовал. Лишь потом я его оценил» [*Белый* 1922б: 142].

А. Блок в роли Гамлета. Боблово. Август 1898. Das Klingende Wort (Wien, 1988. P. 63)

По интонации (23-летний декламатор поражен собственным неожиданным успехом) эти строки удивительно похожи на письмо, которое написал после Пушкинских торжеств Достоевский своей жене Анне Григорьевне...

В начале 1906 г. (после 18 января) Блок составляет список из 15 своих стихотворений, написанных между весной и осенью 1905 г., под заголовком «Для чтения на средах и воскресеньях» — имеются в виду собрания у Вячеслава Иванова и Федора Сологуба: «Умолкает светлый ветер...»

Невидимка:

- 1) «Веселье в ночном кабаке...»
- 2) «Танцует над топью...»
- 3) «И воет, как брошенный пес...»
- 4) «Вечерняя надпись...»
- 5) «В тени гробовой фонари...»
- 6) «Ты в поля отошла без возврата...»
- 7) «На весеннем пути...»
- 8) «Побывала старушка...»
- 9) «Осень поздняя. Небо открытое...»
- 10) «Волновать меня снова и снова...»
- 11) «В голубой далекой...»
- 12) «Вот он Христос...»
- 13) «Ты проходишь без улыбки...»
- 14) «Не строй жилищ...»

В этот список входило и знаменитое «Вступление» к циклу «Пузыри земли» («Ты в поля отошла без возврата...») [Блок 1965: 74–75].

У Вячеслава Иванова Блок в кругу нескольких избранных слушателей пережил вскоре один из главных своих успехов на по-

прище декламации: апрельским вечером 1906 г. на ивановской «Башне» в Петербурге он впервые читал свое новое стихотворение «Незнакомка», написанное 24 апреля того же года [Турков 1969: 309]. Второй вершиной его исполнительской деятельности стало выступление 13 февраля 1921 г. — тогда он читал в петроградском Доме литераторов свою трагическую речь «О назначении поэта» (об этом ниже).

О чтении «Незнакомки» сохранилось несколько рассказов. Самый известный из них — воспоминания К. И. Чуковского. Этот отрывок и сам стал памятником живого слова, поскольку Чуковский наговорил его на пленку для своего «Звучащего собрания сочинений»:

«Я помню ту ночь, перед самой зарей, когда он впервые прочитал “Незнакомку”, — кажется, вскоре после того, как она была написана им. Читал он ее на крыше знаменитой башни Вячеслава Иванова. Из этой башни был выход на пологую крышу, и в белую петербургскую ночь, мы, художники, поэты, артисты, возбужденные стихами и вином — а стихами опьянялись тогда, как вином, — вышли под белесоватое небо, и Блок, медлительный, внешне спокойный Городецкий, молодой, загорелый (он всегда загорал уже ранней весной), взобрался на большую железную раму, соединявшую провода телефонов, и по нашей неотступной мольбе уже в третий, в четвертый раз прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом. И мы, впитывая в себя ее гениальную звукопись, уже заранее страдали, что сейчас ее очарование кончится, а нам хотелось, чтобы оно длилось <...>» [Чуковский 2001: 154].

«Незнакомку» Блок читал много раз. Поэт В. А. Зоргенфрей (1882–1938), товарищ по университету, слушал ее в мае 1906 г. Блок читал три своих стихотворения, в том числе знаменитую «Незнакомку». Пятнадцать лет спустя (1921) Зоргенфрей рассказывал:

«Я впервые слышал Блока; впервые к магии его слов присоединилась для меня прелесть голоса, глубокого, внятного, страстно-приглушенного. Тысячи людей слышали за последние годы, как говорит и читает Блок; они, конечно, не забудут. Но что останется другим, тем, кто от нас узнает имя Блока?» [Зоргенфрей 1921: 127–128].

Зоргенфрея поражала простота декламации поэта:

«И простота — как явственный, звуковой итог бесконечно сложной, бездонно-глубокой жизни, тут же, в процессе чтения стихов, созидаемой и утверждающейся. Ни декламации, ни поэтичности, ни ударного пафоса отдельных слов и движений.

Ничего условно-актерского, эстрадного. Каждое слово, каждый звук окрашены только изнутри, из глубины наново переживающей души. В тесном дружеском кругу, в случайном собрании поэтов, с эстрады концертного зала читал Блок одинаково, просто и внятно обращаясь к каждому из слушателей — и всех очаровывая.

Так было и в тот памятный день. Названные мною три стихотворения — и “Незнакомка” по преимуществу — были началом, сердцем новой эры его творчества; из них вышла “Нечаянная Радость”. Помню, “Незнакомка”, недавно написанная и прослушанная нами весенним вечером, в обстановке “загородных дач”, после долгой прогулки по пыльным улицам Лесного, произвела на всех мучительно-тревожное и радостное впечатление, и Блок, по просьбе нашей, читал эти стихи вновь и вновь» [Там же: 127–128].

И. Ф. Анненский писал в 1909 г. в статье «О современном лиризме»: «Кто не заучил в свое время (т. е. за три года до этого. — П. Б.) наизусть его “Незнакомки”? В интродукции точно притушенные звуки *cornet-piston* <...>». Далее Анненский описывает воздействие этого стихотворения, в значительной мере опираясь на его инструментовку [Анненский 1979: 362–363].

БЛОК И «ВЕЧЕРА ИСКУССТВ»

А какое имел отношение сам Блок после «декламационного периода» к чтениям стихов перед публикой — своих и чужих? В записях Блока соображения по этому поводу встречаются постоянно.

Так, под 30 сентября 1908 г. Блок заносит в записную книжку вопрос: «Заметили ли вы, что в нашей быстрой разговорной речи трудно процитировать стихи? В тургеневские времена можно было еще процитировать, даже Михалевич⁷, а теперь стихи стали отдельно от прозы; всё от перемены ритма в жизни» [Блок 1965: 115]. В том же 1908 г. в статье «Вечера “искусств”» Блок раздражается резкой инвективой против все более входивших в моду «литературных вечеров»:

«Вот прошлой зимой свирепствовала литературно-музыкально-вокальная эпидемия: можно ожидать, что театрально-литературно-вокально-музыкально-балетно-художественная деятельность будет пользоваться успехом и примет характер столь же эпидемический.

⁷ В романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» Михалевич, товарищ Лаврецкого по учебе в Московском университете в 1830-е гг., цитирует ему свое последнее, очень длинное стихотворение, где он «выразил самые душевные <свои> убеждения» [Тургенев 1964: 201–202 и 213].

Итак, “Вечер северной свирели” был, в общем, как все вечера, и, сказав о нем несколько слов, я сказал обо всех вечерах, ему подобных; то же убожество, та же ненужность; писатели, почти без исключений читать не умеющие, читающие вяло, нудно, в нос, монотонно, скучно, читающие тем хуже, чем больше их внутреннее содержание (исключений очень мало); публика, состоящая из людей, которым все равно, и из молодежи; а молодежь не особенно многочисленная, посещающая такие вечера, разделяется теперь, как известно, тоже на два лагеря: одним — подавай гражданские мотивы; если поэт прочтет скверные стихи с “гражданской” нотой — аплодируют, прочтет хорошие стихи без гражданской ноты — шипят (эта группа, по моему глубокому убеждению, — *лучшая* часть публики, посещающей вечера нового искусства); другая группа — со стилизованными прическами и с настроениями, но о ней говорить я уж лучше не стану <...>» [Блок 1960–1963. Т. 5: 304–308].

Блок энергично восстает против любопытства как главного побуждения, влекущего людей на литературные вечера, «где можно рассматривать со всех сторон — и на сцене и в зале — литераторов и актеров» [Блок 1965: 306]. Также и участие в вечерах «нового искусства», организуемых в благотворительных целях, теперь, по его мнению, вредно. Ниже Блок обосновывает это свое убеждение:

«Вредно потому, что новые поэты еще *почти ничего не сделали*; потому, что нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет *ореола общественного*, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы⁸; вредно потому, что нельзя приучать публику к любопытству насчет писателей в ущерб любознательности насчет литературы; <...> я обращаюсь к писателям, художникам и устроителям с горячим призывом не участвовать в деле, разлагающем общество, то есть не способствовать размножению породы людей “стиля модерн”, дни которых сочтены. Общество интеллигентное и без “вечеров нового искусства” довольно пропитано ядами косности и праздности, и прибавлять хоть каплю в море дурных инстинктов есть дело, недостойное художника и гражданина» [Там же: 308].

1 февраля 1907 г. Блок читал драму «Незнакомка» и несколько стихотворений на «вечере искусств» в Кружке молодежи [Блок 1960–1963. Т. 7: 528]. 9 декабря 1907 г. он писал матери, что после большого вечера «нового искусства» решил никогда больше не выступать на подобных

⁸ О «священной русской литературе» говорил несколькими годами ранее и Томас Манн в новелле «Тонио Крёгер» (1903).

*Вечер памяти
В. Ф. Комиссаржевской. Петербург,
7 марта 1910. А. Блок — за трибуной
слева. Das Klingende Wort (Wien,
1988. P. 73)*

вечерах. И в январе 1908 г. он действительно опубликовал в газете «Свободные мысли» следующее заявление:

«М<илостивые> г<осудари>,
г<осподин> редактор.

Прошу вас напечатать следующее мое заявление. Несмотря на то что я не принимаю более участия в литературных вечерах, мое имя иногда печатается на афишах без моего согласия. Покорнейше прошу гг. устроителей более не делать этого. Примите и пр.» [Там же. Т. 8: 218].

Конечно, и те из поэтов-модернистов, кто, как Блок, не желали участвовать в поэтических вечерах,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аристов В. В.: поэт, эссеист, доктор физико-математических наук, лауреат премий Александра Крученых (1993), Андрея Белого (2008), премии «Различие» (2016).

Бранг Петер: профессор славянской филологии, член-корреспондент Венской и Майнцской академий наук, автор книг «Звучащее слово», «Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней» (2006).

Глухова Е. В.: кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН.

Данова М. Я.: переводчик, исследователь, преподаватель норвежского языка в РГПУ им. А. И. Герцена.

Жарков Е. И.: магистр истории, управляющий делами Аукционного дома «Жар-Птица», член Национального союза библиофилов.

Золотухин В. В.: кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС.

Крючков П. М.: ведущий научный сотрудник Государственного музея российской литературы им. В. И. Даля, литературный критик, звукоархивист, заместитель главного редактора и заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир».

Лекманов О. А.: доктор филологических наук, профессор школы филологии Гуманитарного факультета научно-исследовательского университета Высшая школа экономики, автор более 600 опубликованных работ.

Молодяков В. Э.: доктор политических наук, профессор университета Такусёку (Токио, Япония), автор книги «Валерий Брюсов. Биография» (2010), «Георгий Шенгели. Биография» (2016), коллекционер.

Орлова М. В.: кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Музей Серебряного века» Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей).

Рассанов А. Ю.: хранитель музейных предметов Отдела аудиовизуальных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей), звукоархивист.

Солобай Н. М.: научный сотрудник и член Есенинской группы ИМЛИ РАН.

Торшилов Д. О.: кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии ИВКА РГГУ.

Шуванникова Е. М.: автор и руководитель проекта «Звучащий Серебряный век. Читает поэт», кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН.

ЗВУЧАЩИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. ЧИТАЕТ ПОЭТ

Отв. ред. *Е. М. Шуванникова*

Корректоры *М. А. Иванова, Т. В. Никонова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 07.10.2018. Формат 70×100^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 33,5. Заказ № 1232.

Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7.

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86